

Александр Кобак

Человек в истории

Долгое время Рогинский оставался для меня человеком-легендой. Узнал я о нем гораздо раньше, чем с ним познакомился. Ленинград 1970-х был городом небольшим, где многие люди, имеющие то или иное отношение к независимому культурному движению, знали или слышали друг о друге.

Мои друзья и знакомые тех лет – Александр Добкин, Сергей Дедюлин, Лев Лурье – на условиях строгой конспирации рассказывали, что под руководством Арсения Рогинского в Ленинграде собирается исторический сборник «Память», посвященный истории советского периода. Эта тема меня интересовала, особенно когда мы с Виктором Антоновым в конце 1970-х приступили к работе над историко-церковной энциклопедией «Святые Санкт-Петербурга». Собирали материалы не только по истории строительства храмов, но и по истории их закрытия и уничтожения.

Кажется, в апреле 1978 г. мы виделись с Сеней на дне рождения Лёвы Лурье, сидели на разных концах многолюдного стола и толком не познакомились.

Когда в марте 1980 г. в нашей квартире провели обыск (формально – по делу Владимира Пореша, с которым я никогда не был знаком), было ясно, что КГБ безрезультатно пытается найти материалы против Арсения Рогинского, Сергея Дедюлина и других членов его исторического кружка.

В ленинградской неофициальной культуре 1970-х годов существовало множество разнообразных кружков – литературные, религиозно-философские, редакции самиздатских журналов, кружки структуралистов и антиструктуралистов, феминисток и переводчиков, объединения художников и рок-музыкантов. Среди них кружок Рогинского был едва ли не единственным профессиональным историческим, ориентированным на выявление архивных материалов по истории советского периода и их тщательное комментирование. Действовал он достаточно конспиративно, большинство материалов публиковались под псевдонимами, ибо сборники «Память» выходили в Париже.

После ареста Рогинского в 1981 г. мы особенно близко сошлись с Александром Добкиным, на плечи которого главным образом легло продолжение этого нелегкого дела. Хорошо помню наши вечерние прогулки по дождливой улице Шателена осенью 1981 г. (мы жили недалеко друг от друга, практически на разных концах этой улицы). Саша рассказывал мне о Рогинском, об их работе. А я ему, в свой черед, о подготовке вместе с Виктором Антоновым энциклопедии «Святые Санкт-Петербурга». Дома обсуждать эти темы мы избегали, опасаясь прослушки.

Теперь, спустя почти четыре десятилетия, я понимаю, что это заочное знакомство с Рогинским оказалось для меня чрезвычайно важным. Он стал как будто одним из моих наставников. Не знаю, подозревал ли он тогда о моем существовании. Подружились мы много позже, после его освобождения из лагеря и переезда в Москву.

Несколько слов о теме, которую редко связывают с именем Арсения Рогинского. Между тем мне кажется, она всегда была для него дорога. Это краеведение и история краеведческого движения. Вообще, ему свойственна какая-то оседлость, привязанность к «своему» месту. Своим всегда был для него Ленинград–Петербург. Почти тридцать лет живя в Москве, он и сейчас с гордостью подчеркивает, что прописка у него петербургская и в душе он – петербуржец. В общении

соблюдает ленинградский этикет: будучи знакомы три десятка лет, мы неизменно обращаемся друг к другу по имени, но строго на «вы»...

Рогинский первым в конце 1970-х годов обратил внимание на творческое наследие Николая Павловича Анциферова. Вместе с Александром Добкиным они стали работать с его рукописными воспоминаниями, которые хранятся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Первые три главы этих воспоминаний были опубликованы ими (под псевдонимами) в четвертом выпуске исторического сборника «Память» (Париж, 1981).

Тогда же Рогинский одним из первых привлек внимание к прочно забытой теме кружков интеллигенции 1920-х годов. Кто об этом тогда вспоминал? Несколько пожилых людей в эмиграции да Дмитрий Сергеевич Лихачев (отсидевший на Соловках за участие в подобном кружке). Официальной истории интересоваться этим было не положено. Сегодня мне кажется, что уже тогда Рогинский понимал какое-то сходство, родство кружков интеллигенции 1920-х годов с неофициальными кружками Ленинграда 1970-х годов, с которыми мы все были в той или иной степени связаны. Впоследствии этой темой занялись Александр Добкин, Виктор Антонов, Михаил Шкаровский и другие исследователи.

В то время имя Анциферова и вся история краеведческого движения 1920-х годов были не столько запрещенными (эти книги не запирали в спецхраны), сколько прочно забытыми. Главным образом потому, что многие краеведы на рубеже 1930-х годов оказались жертвами борьбы с «вредительством на историческом фронте» и были репрессированы.

Летом 1987 г. у меня на квартире состоялась «историческая» встреча. В ней участвовал Арсений Рогинский, Владимир Аллой (впервые после эмиграции в 1975 г. приехавший из Парижа), Александр Добкин (один из составителей сборника «Память»), Виктор Антонов (историк, искусствовед, православный общественный деятель), Борис Останин (редактор самиздатского журнала «Часы»), Дмитрий Северюхин (биограф художников Русского Зарубежья).

Еды в то время практически не было, продукты продавались по карточкам. В качестве закуски моя жена сварила макароны, пожарила лук, все перемешала, залила яйцом и запекла в духовке. До сих пор она помнит слово, впервые услышанное от Сени: «Хороший лапшевник!»

Было начало перестройки, и нам казалось, что удастся объединить усилия разных людей – либералов-западников, православных интеллектуалов, деятелей неофициального культурного движения. К сожалению, эта попытка не увенчалась успехом. Творческие судьбы участников той памятной встречи сложились по-разному, объединения усилий не произошло. Хотя каждый из них оставил свой заметный след – как в исторической науке, так и в общественной деятельности.

В сентябре 1987 г. я поступил работать в Ленинградское отделение Советского фонда культуры. Осенью была создана комиссия «Некрополь». В формировании программы по изучению старых петербургских кладбищ Сеня Рогинский принял самое деятельное участие, его методические указания послужили основой для концепции книги «Исторические кладбища Петербурга». Он же познакомил меня с редактором московского издательства «Книга» Ларисой Ерёмониной, которая начала подготовку к печати этой объемистой коллективной монографии. Увы, издательство «Книга» вскоре перестало существовать, и книга вышла в 1993 г. в петербургском «Издательстве Чернышева».

Столь же деятельное участие принимал Рогинский в разработке концепции и организационной подготовке международной конференции «Анциферовские чтения», приуроченной к 100-летию со дня рождения автора «Души Петербурга». Конференция состоялась в декабре 1989 г. Наследие Анциферова, не в последней степени благодаря Рогинскому, было извлечено из забвения и стало вдохновляющим ориентиром для нового поколения петербурговедов. В 1990 г. (впервые с 1922-го) была переиздана «Душа Петербурга».

Подвижнический труд А.И. Добкина по подготовке к печати мемуаров Анциферова завершился в 1992 г. их комментированным изданием под названием «Из дум о былом». В предисловии Саша написал: «Ни замысел, ни осуществление [этой работы] не были бы возможны без руководства и деятельного участия историка А.Б. Рогинского».

Когда в 1995 г. возникла идея учредить премию за лучшие книги по истории Петербурга, ее название – Анциферовская – было принято единодушно. Его сразу одобрил академик Д.С. Лихачев, который согласился войти в жюри. Председателем был избран профессор С.О. Шмидт, в состав жюри вошли Б.В. Ананьич, Я.А. Гордин, А.Д. Марголис, А.Б. Рогинский, В.Н. Топоров и другие. И всякий раз Сеня с большим интересом и вниманием просматривал книги о Петербурге, поданные на соискание премии.

С самого основания Фонда имени Д.С. Лихачева в 2001 году Арсений Борисович был членом его правления. С тех пор пятнадцать лет является близким коллегой, советчиком и другом. Писать о программах Фонда Лихачева здесь не место, но во многих из них Рогинский принимал деятельное участие.

Мне всегда было интересно понять – что интересовало Рогинского как историка прежде всего? Вначале декабристы, потом история освободительного движения, потом крестьяне-толстовцы, потом история сталинских репрессий. Кажется, далековатые периоды. Но дело, думаю, совсем не в них. В центре его внимания всегда оставался человек. Человек и государственная машина, которая ему противостоит. От декабристов до Анциферова, от крестьян-толстовцев до репрессированных в годы Большого террора – всегда это человек в истории. Не классы, формации, партии, войны, госучреждения, а человек. Недаром организованный «Мемориалом» конкурс школьных исторических работ (в жюри которого долгие годы входил и я) называется «Человек в истории». Помню, как про одну нашу общую знакомую Сеня сказал: «Не могу простить ей пренебрежения к людям».

Как общественный деятель Рогинский – прирожденный лидер, часто наставник и учитель, но всегда еще и друг, прекрасный и умный собеседник. Для него никогда не были интересны государственная служба, партийное строительство, деньги или власть. Рогинский – это идеальный, химически чистый образец общественного деятеля, миссия которого – генерировать новые идеи и объединять единомышленников ради общего дела.